

ОЛЬВИОПОЛИТЫ И БОСПОРЯНЕ В АФИНАХ

В V–III вв. до н.э. между греческими государствами в Северном Причерноморье и Афинами существовали интенсивные политические, экономические и культурные связи, о чем писали многие исследователи. Они в основном занимались общими вопросами, мало касаясь деятельности отдельных людей. До сих пор рассматривалась, главным образом, роль Афин в жизни северопричерноморских полисов, привлекались сведения об афинянах, посещавших северные берега Понта, но почти ничего не говорилось о присутствии северопричерноморских греков в Афинах¹.

Мы попытались собрать и исследовать все сравнительно немногочисленные известия о жителях Ольвии и Боспора, посещавших Афины в роли официальных представителей этих государств и в качестве частных лиц. Выбор этих двух государств объясняется тем, что преимущественно о них имеются сведения по интересующей нас теме, и почти все они относятся к V–III вв.²

В последней трети V в. Ольвия, Нимфей и, возможно, некоторые другие северопричерноморские города входили в состав Афинского морского союза³. В то время в нем состояло около 400 больших и малых греческих полисов⁴. Они ежегодно вносили форос – определенный денежный взнос, размер которого утверждался в Афинах особым судом раз в четыре года. Представители союзных городов могли выступать в этом суде со своими жалобами и пожеланиями, поэтому на таких заседаниях, вероятно, бывали посланцы из северопричерноморских полисов. Эпиграфические документы свидетельствуют, что взносы Нимфея и Ольвии в 1–2 таланта были одними из самых скромных.

Посольства союзных городов ежегодно доставляли в Афины форос к празднику Великих Дионисий. Его отмечали в марте, когда открывался сезон судоходства. Наряду с Панафинеями, этот длившийся несколько дней праздник считался главным и справлялся с большой пышностью. Три дня посвящались состязаниям драматургов. В театре собирались почти все граждане и множество гостей, среди которых были

¹ Укажем лишь основные работы, в которых содержится библиография по основным аспектам этой темы: *Блаватская Т.В.* Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959; *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 90–114, 136–137; *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса в VI–I вв. до н.э. М., 1989. С. 126–134, 145; Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. С. 138–141, 154–155.

² Здесь и далее все даты относятся к периоду до нашей эры.

³ *Карышковский П.О.* Ольвия и Афинский союз // *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Т. 3. Одесса, 1960. С. 73–85; *Шелов-Коведяев*. Ук. соч. С. 90–105; *Виноградов*. Ук. соч. С. 126–134.

⁴ *Кондратьев М.В.* Архэ и афинская демократия // *Античная Греция*. Т. I. М., 1983. С. 338.

послы из Северного Причерноморья. Во второй половине V в. на оркестру театра выносили огромное количество денег, полученных в качестве фороса (Isocr. VIII. 82). Так афиняне прославляли свою державу и внушали присутствующим на этой церемонии союзникам уверенность в силе и прочности власти Афин. Вероятно, посольства Ольвии и Нимфея отправлялись в Афины не ежегодно. снаряжение посольства требовало много затрат, поэтому небольшие города, расположенные недалеко друг от друга, образывали объединения-синтелии и поочередно брали на себя расходы по доставке денег в союзную казну⁵.

Пользуясь огромным стечением народа, в афинском театре возглашали почетные декреты об увенчании золотыми венками граждан и иностранцев, оказавших государству большие услуги. В 288 г. такой почести на Великих Дионисиях удостоился боспорский царь Спарток III. Декрет в его честь гласил, что царь награждается венком и постановкой двух статуй на агоре и Акрополе «за добродетель и благорасположение к афинскому народу»⁶. Из этого декрета ясно, что Спарток выгодно для афинян продавал им хлеб, а иногда доставлял зерно в дар, за что он, подобно своим предкам, получил права афинского гражданства. Постановление о награде афиняне приняли в феврале и отправили послов на Боспор, чтобы царь успел, если захочет, прибыть на празднество. Не известно, получал ли Спарток сам эту награду или доверил это кому-то из своих подданных.

Церемония награждения золотыми венками проходила и в заключительный день Великих Панафинеи, проводившихся раз в четыре года. Сатир I первым из боспорских царей удостоился этой почести. Он передал свой венок в храм покровительницы города Афины Полиады, в честь которой справлялись Панафинеи. Надпись на венке гласила, что это дар Сатира. За ним и следующие боспорские цари стали посвящать такие венки Афине. Есть сведения о том, что и в других случаях золотые венки от имени боспорян приносились в дар этой богине⁷. На протяжении всего IV века на каждых Панафинеях провозглашалось об увенчании боспорских царей золотыми венками «за доблесть и благорасположение к афинскому народу». Так афиняне выражали свою признательность за бесперебойную доставку хлеба с Боспора на выгодных условиях. Изготавливая для Спартока II и Перисада I роскошные венки ценой в тысячу драхм, афиняне заранее начертали на них ставший уже традиционным текст надписи, в котором менялись лишь имена царей⁸.

После смерти Сатира I в 389 г. его сын Левкон I, а позже внуки Спарток II и Перисад I, приходя к власти, сразу же отправляли послов с подтверждением, что новые цари будут продолжать прежнюю дружественную политику в отношении Афин. Сохранились имена боспорских послов Сосия и Феодосия. Им выразили благодарность и пригласили на трапезу в пританей за то, что в апреле 346 г. они доставили афинянам благую весть от взошедших на престол Спартока II и Перисада I, и за то, что они заботились об афинянах на Боспоре⁹. Последнее говорит о том, что Сосий и Феодосий были хорошо знакомы со многими афинянами и, возможно, уже не первый раз находились в Афинах с царскими поручениями.

Трудно сказать, ездили ли боспорские цари на каждые Панафинеи получать венок и совершать церемонию жертвоприношения его в храм Афины. Возможно, в какие-то годы это поручалось их послам или доверенным лицам, жившим в Афинах. О последних упоминается в «Трапедзитике» Исократ (XVII. 538). Но, наверное, по крайней мере, сразу после прихода к власти цари пользовались этой возможностью побывать в Афинах в качестве почетных гостей, услышать, что им даруют права афинского гражданства и освобождение от обложения налогами (Dem. XX. 30. 34–36), доставить себе

⁵ *Каллистов Д.П.* Афинский морской союз // Древняя Греция. М., 1956. С. 205.

⁶ IG II². № 653; МИС. № 4.

⁷ Ср. надписи на двух венках конца IV в. из акта передачи имущества жрецам Афины: «Спарток с Понта увенчал народ афинян» (IG II². № 731, 732; МИС № 1).

⁸ IG II². № 212; МИС № 3.

⁹ Там же.

удовольствие лицезреть великолепный праздник, потешить свое самолюбие, получая награду и глядя на рельефы и статуи с изображениями своих предков и самих себя.

Из речей ораторов и надписей мы знаем, что на афинской агоре и на Акрополе находились бронзовые статуи царей Сатира I, Перисада I, Спартока III, члена династии Спартокидов Горгиппа¹⁰. В Пирее выставлялись мраморные стелы с декретами в честь боспорских царей (Dem. XX. 36). Сохранилась одна из них, украшенная рельефом, изображающим Спартока II, Перисада I и их брата Аполлония¹¹. На Панафинеи прибывали официальные представители из других городов Северного Причерноморья. Во время существования Афинского морского союза на праздник приглашали послов союзных государств, среди которых могли быть посланцы Ольвии и Нимфея. Как и прочим, им вменялось в обязанность доставить животных для жертвоприношения¹².

Многие жители Северного Причерноморья видели, как праздновались Великие Дионисии и Панафинеи. Одни, как будет показано ниже, жили в Афинах продолжительное время, другие прибывали с торговыми целями в сезон судоходства, на который приходились оба названных праздника. Приезжие приобретали на память о Панафинеях панафинейские амфориски, недорогие сосудики для благовонного масла. Их расписывали довольно небрежно, но по той же схеме, что и наградные панафинейские амфоры. Как правило, художники изображали Афины и атлетов, участвовавших в состязаниях на празднике. Несколько целых амфорисков IV в. и много их фрагментов найдено на Боспоре¹³. С особым интересом северопричерноморские греки наблюдали проходившие во второй и третий день Панафинеи состязания атлетов, среди которых иногда выступали и их соотечественники. Ведь помериться силами с соперниками на этом празднике имели право граждане любого греческого города. В гимнасиях Ольвии и Боспора молодые граждане получали прекрасную атлетическую тренировку, и лучшие из них принимали участие в панэллинских состязаниях¹⁴. О полученных ими на Панафинеях призах свидетельствуют находки наградных панафинейских амфор. Часть амфор привозили в Северное Причерноморье на продажу, ибо первые призеры получали по несколько десятков наполненных оливковым маслом чернофигурных амфор и имели право их продать¹⁵, но некоторые по праву принадлежали победителям, – например, амфора последней четверти IV в. с изображением трех бегунов¹⁶, которую поставили в погребение знатного пантикапейского воина на память об одном из самых счастливых моментов его жизни.

Наиболее многочисленную группу жителей Северного Причерноморья, посещавших Афины, составляли люди, причастные к торговле: купцы, хозяева грузовых кораблей, капитаны, матросы, торговые агенты, следившие за продажей товаров и выплатой денег. Нам лучше всего известно о жизни в Афинах некоего сына Сопея, богатого боспорянина, приближенного царя Сатира I. Об этом говорится в XVII речи Исократ, которую он написал между 394 и 391 гг., и сын Сопея произнес ее в суде во время тяжбы с самым богатым афинским трапедзитом Пасионом, отчего она и называется «Трапедзитикон» или «Банкирская речь». Излагая в речи события от имени сына Сопея, Исократ не называл его имени, поэтому боспорянин известен лишь по отчеству. Путем логических умозаключений можно было бы думать, что молодые люди из античных городов Северного Причерноморья стремились увидеть

¹⁰ Dein. I. 43; IG II². № 653, 1008; МИС № 4, 42.

¹¹ IG II². № 212; МИС № 3; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л., 1949. Г. 69. Рис. 5.

¹² Об этой обязанности союзников см. *Shapiro H.* Democracy and Imperialism // *Worshipping Athena: Panathenian and Parthenaia.* Madison. 1996. P. 222.

¹³ *Вдовиченко И.И.* Panathenaika. Pantikapaion // *Археология и история Боспора.* Т. 3. Керчь, 1999. С. 249–250.

¹⁴ *Скржинская М.В.* Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н.э. СПб., 2000. С. 61–62, 71–77.

¹⁵ *Kyle D.* Gifts and Glory // *Goddess and Polis. The Panathenaic Festival in Athens* / Ed. J. Heils. New Jersey, 1992. P. 118.

¹⁶ *Вдовиченко.* Ук. соч. С. 242.

разные области Греции и в первую очередь Афины, с середины V в. считавшиеся «школой всей Эллады» (Thuc. II. 41. 1) и «пританеем мудрости» (Plat. Prot. 24. P. 337). В одном уцелевшем фрагменте из комедии Лисиппа утверждалось:

«Коль не видал Афин, ты просто пень;
Коль не пленился, увидав, – осел;
А коль бежишь, довольный, ты – скотина»

(Перевод С.И. Радцига).

Боспорянин Сопеид прямо сказал о своем желании попасть в Элладу и прежде всего в Афины, подчеркнув, что его интерес подогревался рассказами видевших собственными глазами разные греческие города (Isocr. XVII. 4). Однако в те времена путешествия с чисто познавательной целью предпринимались редко, и, насколько нам известно, их совершали лишь ученые мужи, как, например, Демокрит¹⁷. В подавляющем большинстве случаев познавательная цель совмещалась с практической. Сопей желал, чтобы его сын не только «людей посмотрел», но и усовершенствовался в умениях вести торговые дела в крупных масштабах. Поэтому он снабдил сына большой суммой денег и снарядил два корабля с хлебом, с которыми тот направился в Афины (XVII. 4. 41). Здесь молодой человек сразу же нашел поддержку у соотечественников и торговых партнеров отца. Один из них, Филипп, был связан с Сопеем узами гостеприимства (ξένος πατρικός) (XVII. 43) – распространенным в античности способом взаимной поддержки и помощи между отдельными людьми из разных государств. Из круга этих знакомых отца некий Пифодор взялся представить впервые прибывшего в Афины купца Пасиону. Этот самый крупный афинский трапедзит прошел путь от раба в трапедзе Архестрата и Антисфена до владельца огромного состояния (Dem. XXXVI. 5. 43); за важные услуги государству он получил афинское гражданство для себя и своих потомков (Dem. XIV. 85; XIX. 46). В трапедзе Пасиона отец Демосфена держал большой вклад: 2400 драм (Dem. XXVII. 11). Надо думать, что сын боспорянина Сопея проводил крупные денежные операции, если ему понадобилось содействие столь богатого трапедзита. Сначала он отдал Пасиону взятые с собой деньги, о которых упоминается в начале речи. Ведь приезжие жили обычно у друзей или в наемном доме, поэтому большие суммы надежнее всего было хранить в трапедзе. Затем сын Сопея стал совершать различные финансовые и торговые операции, требовавшие содействия трапедзита. Первые его сделки с Пасионом были вполне удачными для обеих сторон, поэтому именно Пасион выручил боспорянина в спорном деле с грузовым кораблем, когда деловой партнер Сопея Филипп отказался помочь сыну своего друга (Isocr. XVII. 42–43).

Войдя таким образом в круг купцов и трапедзитов, Сопеид стал приобретать в Афинах собственных друзей, которых мог бы попросить об услугах. По его поручению денежные дела с Пасионом решали Филомел, Менексен (XVII. 10, 14, 45) и Гипполайд (XVII. 38), в то время как он сам скрывался от находившихся в Афинах доверенных лиц Сатира. С Гипполайдом боспорянина связывали не только дружба, но и узы гостеприимства.

Кроме денежных операций с трапедзой Пасиона, сын Сопея упомянул еще об одной. Когда ему понадобилось получить деньги с родины, он прибег к частому в те времена способу. Чтобы не подвергать опасности свои средства во время плавания, так как крушения кораблей в античности были достаточно частыми, он попросил отбывавшего на Боспор Стратокла оставить ему нужную сумму из собственных средств, а на Боспоре его отец должен был вернуть Стратоклу эти деньги (XVII. 35).

После первых успешных самостоятельных шагов Сопеида в Греции перед ним вскоре встала нелегкая задача: быть законопослушным боспорским гражданином и потерять крупную сумму денег или спасти свое достоинство. Ведь боспорский царь

¹⁷ Лурье С.Я. Демокрит. Л., 1970. С. 192.

Сатир получил донос о том, что Сопей покушается на его власть, а его сын водит дружбу с изгнанниками (XVII. 5). Поэтому Сатир взял под стражу Сопея, а его сыну послал распоряжение возвратиться на родину, передав предварительно имеющиеся у него деньги доверенным лицам царя в Афинах (это свидетельствует о том, что между Боспором и Афинами могло существовать соглашение о выдаче преступников). Однако тот не подчинился приказу царя вернуться и скрылся в городе Византии. Перед этим он отдал доверенным лицам Сатира свои наличные деньги, но утаил те, которые сумел вложить в трапедзу Пасиона. Чтобы не закралось сомнения, что он ничего себе не оставил, сын Сопея, с согласия Пасиона, объявил себя его должником. Когда же, находясь в Византии, он пожелал через друзей получить свои деньги у Пасиона, тот отказался их выдать, пользуясь затруднительным положением клиента и невозможностью с его стороны обратиться к властям. Через некоторое время с Сопея были сняты все подозрения, и он снова стал приближенным царя. Тогда его сын возвратился в Афины, где тщетно стремился получить обратно свой вклад у Пасиона. Поэтому он подал иск в суд. Выступать в суде против могущественного трапедзита было делом нелегким, и Сопей обратился к Исократу, который славился как блестящий логограф-составитель судебных речей. Не известно, чем закончился судебный процесс, потому что сохранилась лишь речь истца, написанная Исократом и включенная в собрание его произведений. Можно лишь сказать, что даже если Пасиону пришлось выплатить сыну Сопея крупную сумму денег, это не нанесло ему заметного ущерба, и дела его продолжали бы процветать (Dem. XXXVI. 5. 43).

Дионисий Галикарнасский в трактате об Исократе упоминает, что сын Сопея учился в риторской школе оратора (Dionys. Halic. Isocr. XVIII). Если вспомнить, что Сопей был видным политическим деятелем, приближенным Сатира и крупным торговцем хлебом, то вполне понятно, что он хотел, чтобы его сын не только усовершенствовал познания в коммерции, но и получил хорошее образование, необходимое для занятий государственными делами. В то же время, сочетание государственной деятельности и коммерции было обычным для греков. Достаточно напомнить, что выдающийся оратор и политический деятель Демосфен вел крупные торгово-ростовщические операции, давая ссуды под залог кораблей или грузов (Hyperid. C. Dem. 17; Plut. Com. Dem. et Cic. III. 6).

Когда Сопейд пребывал в Афинах, лучшая ораторская школа принадлежала Исократу¹⁸. Цицерон в «Бруте» (8. 32) писал, что дом оратора был открыт для всей Эллады как некая школа и мастерская, где выковывалось искусство красноречия. Сам Исократ говорил, что ученики стекались к нему из разных мест, среди которых он первыми называл Сицилию и Понт (XV. 224). Надо полагать, что сын Сопея был не единственным уроженцем Северного Причерноморья в школе Исократа. Плата за обучение, полный курс которого длился 3–4 года, составляла 10 мин (Plut. Dem. 5). Однако такая крупная сумма оказалась вполне доступной сыну Сопея. Зато в этой школе он мог получить блестящее образование и общаться с самыми способными молодыми людьми из всей Греции, которые затем прославились на разных поприщах. Ведь учениками Исократа были выдающиеся ораторы Исей, Ликург, Гиперид, известные историки Андроцион, Эфор, Феопомп, крупные политические деятели Тимофей и Лаодамант, тиран Гераклей Клеарх, правитель Саламина на Кипре Никокл и другие. Судя по времени пребывания Сопейда в Афинах, он принадлежал к старшему поколению учеников Исократа, о чем есть также косвенное указание в «Трапедзитике». Когда Сопейду пришлось послать друзей за деньгами к Пасиону, он попросил об этом Филомела и Менексена (XVII. 45). С первым из них он мог познакомиться в школе своего учителя. Из речи Исократа «Об обмене имуществом» (XV. 93) известно, что Филомел принадлежал к одному из первых поколений учеников Исократа: на склоне лет оратор назвал Филомела в числе своих учеников-афинян, которых впоследствии государство за их заслуги наградило золотыми венками.

¹⁸ Blass F. Die Attische Beredsamkeit. Bd 2. Lpz. 1874. S. 12–21, 61–62.

Сохранилась еще одна речь, касающаяся деятельности боспорян в Афинах. Это речь, произнесенная в 327/26 г. обвинителем боспорского купца Формиона, которая включена под № 34 в корпус сочинений Демосфена, но, по общему признанию ученых, может принадлежать какому-то его современнику. Согласно ей, боспорский гражданин¹⁹ Формион торговал парфюмерией, приносившей, судя по античным источникам, хорошие доходы²⁰. Формион постоянно приезжал в Афины и имел там торговых партнеров и друзей. Среди последних был уважаемый метек Теодот, ставший третейским судьей в тяжбе Формиона с богатым афинским метеком Хрисиппом, у которого Формион взял заем для своих торговых операций. Стороны оформили условия выдачи и возврата денег для письменном контракте и сдали его на хранение трапедзиту Китту. По уверению Хрисиппа, Формион не отдал ему положенной суммы, а боспорянин полагал, что он ничего не должен заимодавцу. Как утверждал Хрисипп, Теодот не вынес обвинения Формиону из-за дружеских чувств к нему, но, видя, что купца трудно оправдать, передал дело в афинский суд. Формион же считал, что на основании афинских законов он сумеет отклонить иск, подав протест против незаконного возбуждения дела. Вероятно, он хорошо знал афинские законы и, возможно, как многие греки, неоднократно участвовал в судебных разбирательствах. Может быть, он также надеялся на опытного логографа, который поможет убедить суд в невиновности обвиняемого. К сожалению, ответная речь Формиона не сохранилась, и не известно, кто выиграл дело.

Формион перевозил товар из Афин на Боспор на корабле своего соотечественника Лампида, выступавшего на суде свидетелем. Навклер Лампид не владел судном, но распоряжался им по доверенности своего хозяина боспорянина Диона. Последнему принадлежали также рабы, составлявшие экипаж судна²¹. Лампид постоянно жил в Афинах вместе с женой и детьми. Он был из тех доверенных слуг своего господина, о которых упоминается в проксенических декретах. На них распространялись торговые привилегии, данные государством иноземному гражданину, если слуга действовал от имени хозяина²².

Речи Исократы и Псевдо-Демосфена свидетельствуют о том, что купцы и навклеры из Северного Причерноморья хорошо знали афинское законодательство и в случае нужды обращались в афинский суд, как сделал это сын Сопея при Сатире I. Чаще всего они присутствовали в том отделении суда, которое занималось делами о морской торговле. Здесь жители Северного Причерноморья и, в частности, боспорцы выступали не только истцами, но также ответчиками, подобно Формиону, и свидетелями, как в случае с Лампидом.

До сих пор рассматривались в основном письменные источники. Однако и в материальных находках можно выделить вещи, свидетельствующие о том, что жители Северного Причерноморья бывали в Афинах, а именно – неординарные произведения прикладного и монументального искусства, исполненные по заказу. Боспоряне и ольвиополиты посещали мастерские афинских скульпторов, коропластов, керамистов и ювелиров, покупали там приглянувшиеся готовые произведения искусства, а также заказывали вещи с определенным сюжетом, формой, раскраской. Некоторые крупные заказы, вероятно, финансировались из общественной казны, например, изображения богов для установки в святилищах, статуи граждан, оказавших особые услуги государству, или архитектурные детали для украшения общественных зданий. Большинство изделий этих мастеров исполнялось на деньги частных лиц.

Граждане античных государств Северного Причерноморья хотели видеть свои города украшенными произведениями лучших греческих скульпторов. Часто они обра-

¹⁹ Это понятно из слов о том, что Формион получил на Боспоре деньги, отдав в залог землю (*Dem. XXXIV. 23*): ведь правом владения землей обладали только местные граждане и в редчайших случаях иностранцы, особо отмеченные государством.

²⁰ Глускина Л.М. Проблемы социально-экономической истории Афин в IV в. до н.э. Л., 1975. С. 113.

²¹ Казакевич Э.Л. О рабах-агентах в Афинах // ВДИ. 1961. № 3. С. 19.

²² Ср. подобные декреты, изданные на Боспоре и в Ольвии: КБН. I; НО. 5, 6, 8, 15, 18.

щались к афинянам. Об этом свидетельствуют найденные в Ольвии фрагменты мраморной статуи какого-то бога, исполненной скульптором школы Фидия во второй половине V в., а также постаменты бронзовых статуй с именами Праксителя и Стратонида, знаменитых ваятелей IV в.²³ Статуя, созданная Стратонидом, вероятно, стояла на Центральном теменисе Ольвии и представляла Аполлона с чашей в одной руке и лавровой ветвью в другой²⁴.

Находки в Пантикапее также указывают на знакомство боспорян с незаурядными аттическими скульпторами. В V в. они исполнили для столицы Боспора мраморный алтарь или базу статуи с вереницей шествующих женщин, а в IV в. изваяли из мрамора юного Диониса и огромную портретную статую кого-то из царской семьи Спартокидов²⁵. В приведенном далеко не полном перечне аттических скульптур в Пантикапее и Ольвии, возможно, не все выполнены на заказ, так как некоторые могли быть дарами афинян. Богатые ольвиополиты и боспоряне заказывали в Афинах прекрасные мраморные надгробные памятники. Древнейшее из целевших подобных надгробий V в. найдено в Пантикапее: стела украшена рельефом с изображением юноши, печально склонившего голову²⁶. На другой стеле из Пантикапея того же времени изображена женщина с ребенком на коленях²⁷. В Ольвии обнаружены фрагменты двух мраморных надгробий с изображением женщин: один рельеф изваял выдающийся скульптор круга Фидия, другой — незаурядный мастер IV в.²⁸

Из Аттики в Северное Причерноморье поступало множество терракот, в большинстве своем массового производства, попадавших на берега Понта путем торгового обмена. Однако некоторые, исполненные с особой тщательностью выдающимися коропластами, определенно выполнены по желаниям заказчиков. Таковы статуэтки из Фанагории, изображающие Сфинкса, Афродиту и Сирену²⁹. Вместе с ними в погребении находилось еще несколько фрагментированных терракот высокого качества. Это заставляет думать, что статуэтки специально подобраны по определенной тематике и уровню исполнения³⁰. Такое было возможно лишь по индивидуальному заказу, а не путем извлечения из общей массы рядовых терракот, привозившихся купцами на продажу. Надо думать, что боспорянин из Фанагории подробно обсуждал с афинскими коропластами свои пожелания и, возможно, указывал на понравившиеся ему образцы терракот, а также изображения в скульптуре или на картинах. Ведь коропласты зачастую воспроизводили предметы монументального искусства.

То же можно сказать относительно аттических расписных ваз и ювелирных изделий. Явно по индивидуальному заказу в конце IV в. выполнены найденные в Феодосии золотые серьги, украшенные мельчайшей зернью и крошечными фигурками богини Ники, правящей колесницей, с которой соскакивает воин-апобат. Серьги такого типа с диском и подвешенной к нему лунницей носили в разных греческих городах, но по мастерству микротехники ни одни из них не могут сравниться с феодосийскими. Можно представить, как этот дорогой подарок для жены или дочери боспорянин заказывал у афинского ювелира³¹.

²³ Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973. № 19; IPE ². 271; HO. 66.

²⁴ Леви Е.И. Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу // ВДИ. 1965. № 2. С. 86.

²⁵ Соколов. Ук. соч. № 16, 18; Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 89. Рис. 27.

²⁶ Грач Н.Л. Фрагмент стелы V в. до н.э. из Пантикапея // ТГЭ. 1972. № 3. С. 56–61.

²⁷ Иванова А.П. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961. С. 98.

²⁸ Лесницкая М.М. Античная стела из Одесского археологического музея // КСИА. 1976. 145. С. 23–27.

²⁹ Фармаковский Б.В. Три полихромных вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории // Записки РАИМК. Вып. 1. Пг., 1921. С. 1–42; Соколов. Ук. соч. № 43, 45, 47.

³⁰ Фармаковский. Ук. соч. С. 40.

³¹ Место производства ювелирных украшений, как правило, трудно определить точно. Я присоединяюсь к аргументации М.И. Максимовой об изготовлении этих серег в Афинах (Миниатюрная группа на феодосийских серьгах // ТГЭ. 1958. Т. 2. С. 66). Существует предположение о производстве подобного типа серег в Северной Греции и Малой Азии. См.: Греческое золото. СПб., 1995. С. 264.

Также по индивидуальным заказам, отражающим запросы состоятельных боспорян, были изготовлены такие выдающиеся произведения аттических керамистов, как украшенная полихромными рельефами и краснофигурной росписью гидрия со сценой спора Афины и Посейдона³², свадебный лебет мастера Марсия³³ и др. Одна из таких изумительных ваз имеет надпись «Ксенофант афинянин сделал», поэтому можно уверенно утверждать, что в 80-е годы IV в. какой-то житель Пантикапея заказал Ксенофанту большой краснофигурный лекиф с раскрашенными и золочеными фигурками, изображающими сказочную охоту персов и греков на фантастических грифонов, кабанов и ланей. Боспорский обладатель лекифа не только имел хороший вкус, но и знал литературное произведение, на сюжет которого исполнен декор лекифа с именами участников охоты³⁴.

Со всей греческой ойкумены в Афинах собирались люди, желавшие учиться у философов разных школ и направлений. Одни посещали лекции, стремясь пополнить свое образование, другие стремились научиться жить наилучшим образом, как обещали многие философы, и лишь немногие хотели полностью посвятить себя науке. Среди них встречались не только граждане, но и представители неполноправного населения, например, выкупленные из рабства ученик Сократа Федон и киник, уроженец Ольвии, Бийон Борисфенит (Diog. Laert. II. 105; IV. 46). Ученики философов часто одновременно или поочередно посещали несколько школ. Это хорошо видно по жизнеописаниям многих философов; в их числе подобное образование получил выходец из Ольвии Бийон Борисфенит. Многие философы взимали плату за обучение, да и сама жизнь чужестранца в Афинах требовала немалых расходов. Однако не следует думать, что все приезжие были состоятельными людьми. Страстное стремление к знаниям, характерное для древних эллинов, заставляло их преодолевать любые трудности. Это можно иллюстрировать рассказом Диогена Лаэртского (VI. 5. 168) о главе школы стоиков Клеанфе. Уроженец маленького малоазийского города Асса, он приехал в Афины всего с четырьмя драхмами. Чтобы учиться днем, он по ночам работал поденщиком: таскал воду для поливки садов и пек хлеб. Клеанфу не хватало денег на папирус, поэтому он записывал уроки Зенона на черепках и бычьих лопатках.

Античная литературная традиция сохранила имена лишь тех философов, которые оставили более или менее заметный след в науке. Среди них четверо из Северного Причерноморья: ольвиополиты Бийон и Посидоний, боспорянин Дифил, а также Сфер, по одним источникам боспорянин, по другим – ольвиополит. Но, конечно, в Афинах обучалось значительно больше приезжих из Северного Причерноморья.

Деятельность старшего из них, Дифила приходится на вторую половину IV – начало III в. Он начинал свое образование в Афинах. Сюда часто приходили философы из расположенных неподалеку Мегар, где существовала собственная философская школа. Ее основатель Евклид учился у Сократа. Блестящий представитель мегарской школы Стильпон умел привлечь на свою сторону философов разных направлений: из Афин к нему от Феофраста перешел Метродор, прозванный теоретиком, от Аристотеля Киренского – Клитарх и др. Дифил Боспорский в процессе спора со Стильпоном из оппонента превратился в его страстного приверженца. Об этом рассказывает Диоген Лаэртский (II. 113), цитируя утраченное сочинение Филиппа Мегарского.

Наиболее подробные сведения сохранились о Бионе Борисфените, жившем в первой половине III в.³⁵ Диоген Лаэртский посвятил ему главу в разделе о киниках (IV. 46–47), его упоминали Страбон (I. 2. 2. С. 15; X. 5. С. 486), Гораций (Epist. II. 2. 60)

³² Соколов. Ук. соч. № 37.

³³ Лукьянов С.С., Гриневиц Ю.П. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись // МАР. № 35. 1915. С. 19–24; Greek and Roman Antiquities in the Hermitage. Leningrad, 1975. № 66.

³⁴ Скржинская М.В. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3. С. 129–130.

³⁵ Время жизни Биона определяется по рассказу Диогена Лаэртского о том, что этот философ был поклонником учения Феодора Безбожника (330–270 гг.) и кончил свои дни при Антигоне Гонате, царе Македонии с 283 по 240 г.

и Афиней (XIII. 61). Бцион родился в Ольвии. Его мать была гетерой, а отец вольноотпущенником, торговавшим на рынке соленой рыбой. За уклонение от налогов отца вместе со всей семьей продали в рабство. Юному Биону повезло, потому что его купил местный ритор. Заметив в подростковом возрасте большие способности, он стал обучать его своему искусству, отпустил на волю и сделал своим наследником. Видимо, от хозяина Бцион впервые узнал о философских школах в Афинах и в первую очередь об Академии. Ведь именно туда сначала направился Бцион, когда попал в Афины.

После смерти ритора неблагодарный ученик сжег все сочинения учителя, продал его имущество и на эти деньги поехал в Афины. Там он сначала стал слушателем Кратета Афинского в Академии, какое-то время посещал лекции перипатетика Феофраста. Но ближе всего ему оказалась школа киников и беседы ее выдающегося представителя Кратета Фиванского и близкого ему по духу Феодора Безбожника (Diog. Laert. IV. 22. 51). Киники привлекали Биона тем, что многие из них, подобно ему самому, принадлежали к низшим слоям общества. Начиная с основателя кинизма Диогена, приверженцы его учения вели себя вызывающе и не признавали общепринятых норм морали. Это также отвечало характеру Биона, который в молодости так неблагодарно отнесся к памяти своего учителя и благодетеля. Несомненно, Бцион был талантливым человеком, с прекрасной памятью и умением привлекать к себе многочисленную аудиторию, но в области философии он не открыл ничего существенно нового³⁶.

Достигнув известности, Бцион много путешествовал, пропагандируя кинические идеи о предпочтении бедности богатству, о безразличии к смерти, о космополитизме. По словам Диогена Лаэртского, Бцион «был искусным софистом и оказал немалую помощь тем, кто хотел ниспровергать философские учения... он умел производить впечатление на зрителей и поднимать на смех что угодно, не жалея грубых слов»³⁷. Как большинство бедняков, увидевших, что можно достигнуть богатства, он любил роскошный образ жизни, в отличие от своего учителя Кратета Фиванского, отказавшегося от имущества и денег. В философских беседах Дион смягчал ригоризм киников по отношению к деньгам и владению имуществом, заявляя, что мудрец, независимо от своего материального положения, может оставаться верен идеям кинизма. В расцвете лет Бцион проповедовал безбожие, но отказался от него, когда заболел и каялся во всем, в чем согрешил перед богами. Был он крайне эгоистичен, и поэтому к концу жизни возле него не оказалось ни учеников, ни преданных друзей.

Главное достижение творчества Биона состояло в том, что он окончательно оформил жанр диатрибы³⁸. В ней заключалась проповедь на философско-моральную тему, изложение велось в увлекательной и доступной форме, было насыщено юмором, пословицами, поговорками, необычными сравнениями, метафорами, не чуждалось грубых простонародных словечек и выражений. Знаменитый ученый александрийской школы Эратосфен сказал о Бционе, что тот первым нарядил философию в пестрое платье гетеры (Diog. Laert. IV. 52; Strabo. I. 2. 22). Бционские диатрибы имели огромный успех во всех слоях общества. Философа ценили и знатоки литературы и философии, и македонский царь Антигон Гонат, и простой люд, слышавший в его доходчивых словах обороты живой народной речи, рискованные шутки и остроты. После Биона диатрибу широко использовали в популярных беседах не только киники, но также стоики, представители «второй софистики», позже от греков этот жанр восприняли римляне. Бцион мастерски умел излагать свои мысли не только в прозе, но и в стихах. Он славился остроумными и меткими пародиями, нередко переходил на стихи в прозаической речи, и это шокировало образованную аудиторию.

³⁶ Нахов И.М. Философия киников. М., 1982. С. 195.

³⁷ Перевод М.Л. Гаспарова в кн.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 198. В ряде случаев этот перевод по смыслу значительно отличается от перевода И.М. Нахова в кн.: Антология кинизма. М., 1984. С. 92–96. Я отдаю предпочтение пониманию текста М.Л. Гаспаровым.

³⁸ Нахов И.М. Киническая литература. М., 1981. С. 49–67; он же. Философия киников. С. 195.

не допускавшую смешения жанров. Произведения Биона надолго пережили их автора. Гораций в одном из своих «Посланий» писал о «едкой черной соли» произведений Биона, которые послужили поэту образцом для его сатир (II. 2. 60).

Младший современник Биона Сфер прибыл из Северного Причерноморья в Афины в середине III в. Плутарх назвал его Борисфенитом, а Диоген Лаэртский – боспорянином³⁹. Сфер вошел в число многочисленных учеников Зенона (333–264 гг.) и, по словам Плутарха, стал одним из лучших, познакомился со слушателями, приехавшими в Афины из разных городов Эллады, Македонии, Малой Азии и Египта. Среди них Зенон особенно отличал Клеанфа из Асса, который возглавил школу стоиков после смерти учителя. Вероятно, Сфер приехал в Афины уже на закате деятельности Зенона, потому что он продолжил свое образование у Клеанфа и достиг, как сказано у Диогена Лаэртского, больших успехов в науках. Подобно многим философам, Сфер хотел воплотить в жизнь свои идеи; он стал учителем и советником спартанского царя Клеомена III, правившего с 235 по 221 г. Философ помогал ему проводить реформы, направленные на уравнивание благосостояния граждан, и занимался воспитанием юношества. После поражения Клеомена и упразднения его реформ Сфер, вероятно, снова жил в Афинах. Когда царь Птолемей IV Филопатор (222–205 гг.) обратился к Клеанфу с просьбой приехать в Александрию или прислать кого-нибудь, философ избрал среди своих учеников и последователей Сфера, и тот отправился в Египет. Многочисленные сочинения Сфера известны лишь по названиям. Они свидетельствуют, что он занимался толкованием учений Гераклита и Сократа, высказывал суждения о славе, богатстве, любви, страстях и смерти, писал трактаты о царской власти и спартанском государственном устройстве, труды по грамматике и др.

Последний из четырех северопричерноморских философов, софист и историк Посидоний Ольвиополит жил во II в. Скучные сведения о нем имеются только в словаре Суды (Suid. s.v. Ποσιδώνιος). Там названы несколько его трудов, в том числе «Аттическая история». Это позволяет думать, что он, как и упомянутые его соотечественники, учился и жил в Афинах. Одно из его произведений посвящено Северному Причерноморью. Название в рукописи испорчено и нуждается в исправлении. Некоторые ученые полагают, что в сочинении Посидония говорилось о Тире и ее окрестностях. Более убедительным представляется чтение, предложенное В.П. Яйленко: «О стране, называемой Таврика»⁴⁰. Судя по названию, это произведение Посидония было не философским, а историко-географическим.

Большинство боспорян и ольвиополитов приезжали в Афины на короткое время по разным, преимущественно торговым делам. Продолжительное время в Аттике проживали торговые агенты, представители боспорских царей, молодые люди, желавшие получить образование в риторской или философской школах. На примере Лампиды, доверенного слуги боспорянина Диона, известно, что они привозили с собой свои семьи (Dem. XXXIV. 37). Об этом же свидетельствуют надгробия дочерей боспорян, найденные на афинском некрополе⁴¹. Вероятно, вместе с семьями в Афинах находили приют упомянутые Исократом политические изгнанники с Боспора.

Родственные узы связывали некоторые афинские и боспорские семьи, и, возможно, в конце V – начале IV в. между двумя государствами существовало соглашение об эпитафии⁴². На родине мужа такое соглашение обеспечивало женщине, вышедшей замуж за гражданина другого государства, положение законной супруги, а детям предоставлялись гражданские и фамильные права. Это иллюстрируется на примере семьи Демосфена. Его дед афинянин Гилон долго жил на Боспоре, где женился на богатой местной девушке. Гилон отправил двух дочерей в Афины и выдал замуж

³⁹ Сведения о Сфере сохранились у Диогена Лаэртского (VII. 37, 177–178; 185) и Плутарха в биографиях Клеомена (Слеот. 2, 11) и Ликурга (Licurg. 5).

⁴⁰ Яйленко В.П. Уроженцы Ольвии в духовной жизни Греции // Тез. докл. Крымской научной конф. «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988. С. 276.

⁴¹ МИС. № 60, 61, 64.

⁴² Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М. – Л., 1953. С. 192.

за афинских граждан (Aeschin. III. 71). Одна из них, жена состоятельного владельца оружейной мастерской, стала матерью знаменитого оратора Демосфена⁴³.

Итак, литературные, эпиграфические и археологические источники смогли немало рассказать о боспорянах и ольвиополитах в Афинах. Здесь они имели друзей и знакомых, с некоторыми их связывали узы гостеприимства и родства. Приезжие из Северного Причерноморья постоянно бывали в торговой гавани Афин Пирее, посещали лавки на агоре и в ремесленных кварталах города, присутствовали в театре, были участниками и зрителями на праздниках Великих Панафиней и Дионисий, заключали денежные сделки у трапедзитов, учились в школах философов и риторов, выступали в суде. Боспоряне и ольвиополиты появлялись в Афинах как в качестве официальных лиц – боспорские цари и различные посольства, так и частных – купцы, навклеры, матросы, а также молодые люди, желавшие получить хорошее образование. Некоторые приезжие с северных берегов Понта надолго задерживались в Афинах и жили там с семьями.

М.В. Скржинская

OLBIOPOLITAI AND BOSPORANIANS IN ATHENS

M.V. Skrzhinskaya

The author of this article collects and analyzes written and epigraphical sources – as well as several relics of material culture – giving evidence that Olbiopolitai and Bosporanians regularly visited Athens from the fifth to the third centuries BC. These visitors arrived in Athens both as officials and private persons – the former as members of embassies, the latter for the most part to trade or acquire better education. Inhabitants of the Northern Black Sea area regularly came to the trading port of Piraeus, visited the shops of the Athenian Agora and the trading districts of the city, and attended the theatre, taking part as spectators and participants in the festivals of the Great *Panatheneiai* and *Dionyseiai*. They also concluded monetary deals with the trapezites, studied in schools of philosophy and rhetoric, and appeared in court as plaintiffs, defendants, and witnesses. Olbiopolitai and Bosporanians had many friends and acquaintances in Athens, to whom they were connected by ties of blood and simple hospitality.